

-СОВЕТСКОЕ ЗАУРАЛЬЕ-
г. Кураган
92 ОН 1 1988

БЫТЬ может, самое удивительное в искусстве поэзии — это превращение будничного события в поэтический факт. Наверное, мы никогда не узнаем, как и по каким законам происходит это таинственное превращение.

ЛЕТОМ 1911 года Александр Блок жил в Аберрраке, небольшом французском городке на Бретонском побережье Атлантики. В письме к матери, кроме обычных курортных новостей (погода, купания), он сообщает: «На днях вошли в порт большой миноносец и четыре миноноски, здороваясь сигналами друг с другом и с берегом, кильватерной колонной — все как следует».

Этому эпизоду русская лирика обязана одним из своих шедевров.

Ты помнишь?

В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда

кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.
Мир стал заманчивей

и шире,
И вдруг —

суда уплыли прочь.
Нам было видно:

все четыре
Зарылись в океан и в ночь.
И вновь обычным

стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре

Последний отдал сигнал...
Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.

Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.
Случайно

на ноже карманном
Найди пылинку

далких стран —
И мир опять предстанет

странным,
Закутанным

в цветной туман!

Все поражает в этом стихотворении. И лаконичный, в духе новой живописи пейзаж («Четыре — серых»), и экспрессивное «зарылись» — ты прямо физически ощущаешь напряжение стального корпуса, одолевающего толщу воды.

Идут как будто повествовательные зарисовки, но и в них уже ощущается подспудное нарастание чувства. Наконец после четвертой строфы происходит интонационный сдвиг, некий психологический слом... Можно не читать комментарии к стихам и не знать, например, что неожиданный приход миноносцев в курортный городок поэт истолковал как предзнаменование близкой мировой войны. Но тревога уже поселилась в стихе. Она вызвана множеством внезапных перемен. Была бухта и кло-

Искусство повышает чувствительность жизни. Этот шедевр Блока возвращает нам ощущение жизни как поэзии, заставляет увидеть свет и красоту там, где еще недавно наш ленивый взгляд замечал лишь привычный очерк знакомых вещей.

БЛОКА мы «не проходили». Несколько строк о нем было набрано петитом в конце страницы, где он упоминался среди других поэтов начала века, да еще в хрестоматии при желании можно было прочесть «Двенадцать» и, кажется, «Скифов». Вот

загородных дач, чуть золотится крендель булочной, и раздается детский плач». Забыл навязшие в зубах примеры аллитераций и ассонансов из учебника, мы вдруг начинали постигать взораживающую музыку стиха: «Утихает светлый ветер, наступает серый вечер, ворон канул на сосну, тронул сонную струну». Удивительным было это «канул». Зяблик бы не канул! Учительница продолжала читать, а ты все еще видел в сумерках тяжелое начение ветки, на которую канул ворон...

мост через ручей». «Одна мне осталась надежда: смотреть в колодец двора, светает, белеет одежда в расслепленном свете утра». «И в переулках пахнет морем, поют фабричные гудки...».

Мне и сегодня больше нравятся не открыточный Ленинград, а его заставы и рабочие предместья: прокопченные стены старых фабрик, свет окон на воде, пыльный тополь над каналом...

За пять лет учебы я к своему стыду, так и не удостоился побывать на Пряжке и посмотреть дом, в котором жил и умер Блок. Когда, много лет спустя, однажды вечером я пришел на Пряжку, то со смешанным чувством разочарования и радости обнаружил, что все здесь мне знакомо — и сырой ветер со взморья, и закат над судоремонтными мастерскими, и запахи дыма из порта. Все это жило во мне с той минуты, когда я открыл для себя Блока.

БЛОК сложен и неровен, как, впрочем, все живое. Можно, разумеется, многое в нем не принимать, но нельзя не поражаться резкому чекану его поэтической судьбы. В этом смысле он стоит в ряду легендарных фигур мировой литературы от Катулла и Вийона до Хлебникова и Лорки. Небогатая событиями жизнь Блока полна внутреннего напряжения, редкого творческого накала и художнического бесстрашия. Воображение и дар слова безусловно необходимы лирическому поэту, но глубинной основой творчества, материковой его породой является цельность поэтической судьбы. Тогда поэзия не остается собранием рифмованных строчек, а входит в духовную жизнь народа как ее неотъемлемая часть. Именно Блоку принадлежат слова: «У поэта должна быть не карьера, а судьба».

3 А К О Н Ч И М тем, с чего начали: с чуда превращения будничного факта в поэзию. Плохие стихи умирают вместе с событиями, их породившими. Подлинная поэзия разрывает пределы времени и живет вечно.

В. ВЕСЕЛОВ.

● К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

П О Э Т

чок земли, но вот пространственные ориентиры исчезают, и поэтический рассказ устремляется в область умозрений. Меняется характер обращения. Традицию и н о е для лирики и нейтральное «ты» превращается в «мы», то есть возникает совершенно иная соотносительность поэта с читателем. Бытовые детали и конкретность определений (зеленая, серые, загорелые) сменяются общими понятиями (жизнь, новизна). Иными становятся временные характеристики. Повествовательное прошедшее уступает место безличным оборотам, а затем — будущему времени. Мысль отрывается от конкретного события.

И тут ход стиха задерживается — стесненность дыхания, напряжение, которое вот-вот должно разрешиться. Это как в музыке — «зависание» мелодии перед последним аккордом. И вот он наступает, этот последний аккорд — вдох, глоток свежего воздуха, яркий свет... Нам возвращается осязаемость мира (нож, пылинки), но благодаря движению поэтического смысла «пылинки» превращается в символ, за которым встает целый мир. «закутанный в цветной туман».

«Поэт издали заводит речь, поэт далеко заводит речь» (Цветаева).

и все. Школьники, мы не знали трудной посмертной судьбы Блока, когда в зависимости от ситуации, ему воздавали то хвалу, то хулу. Блок был вне наших биографий, но его стихи жили рядом, они не выцвели со временем, не умерли и в один счастливый миг сделали для многих из нас самым ранним и самым сильным поэтическим переживанием.

Случился «свободный» урок, к нам вошла классная руководительница и сказала, что почитает Блока. Представьте мужскую школу, трудный класс, где было полно переростков. В бережно-сти, с которой старая учительница распеленала тяжелый том, нам виделось что-то смешное. Восторженность, с какой она читала стихи, нам была непонятна. В классе продолжались возня и смешки, но постепенно мы утомонились, захваченные четким балладным ритмом: «За холмом отзвенели упругие латы, и копые потерялось во мгле...». Или, пропустив начало, прислушивались к какой-то таинственной и горестной истории: «Миновали сотни и сотни лет, а в старом доме юности нет». А то вдруг с поразительной пластичностью и редкой силой вещественности воз и ка л пейзаж: «Вдали, над пылью переулочной, над скукой

Некоторые стихи звучали как обещание: «Переплески далеких морей, голоса корабельных сирен», другие — словно предостережение или угроза: «Как страшно мирное жилье для тех, кто изменил!» А то вдруг западала в память строка, просто одна строчка: «Не бойся умереть в пути!».

И так много всего было в этот школьный час, что потом уж оставалось только вспоминать и узнавать свое! Ты впервые и надолго покидал родной дом, поезд грохотал в ночной степи, холодный ветер гулял в тамбуре, слезились от ветра глаза, ты остро ощущал покинутость и робость, как это бывает в начале жизни, рядом во тьме летела огромная страна, и в памяти вспыхивали знакомые строки: «Твои мне песни ветровые — как слезы первые любви...».

ПОТОМ был Ленинград, город, который вполне может служить введением в поэзию Блока. Ты приезжал в старое, петровских еще времен здание, вышагивал свои полтыщи шагов коридором Двенадцати коллегий, ты ежедневно видел мемориальные стены и пыльные дворцы, но в тебе жил другой город: «Стены фабрик, стекла окон, грязно-рыжее пальто...», «И вдруг туман сырого сада, железный